

УДК 94(5-191.2):2-9 (575)

**О ФИНАНСОВЫХ ПРОБЛЕМАХ ВНЕРЕГИОНАЛЬНОГО ПАЛОМНИЧЕСТВА
МУСУЛЬМАН ТУРКЕСТАНА (1865–1917 гг.)**

В.П. Литвинов

Рассматривается финансовый аспект зарубежного паломничества мусульман Туркестана. Отмечается, что хадж в Мекку и “зиярат” шиитов были весьма дорогостоящими мероприятиями.

Ключевые слова: Туркестан; паломничество; хадж; Мекка; мусульмане; шииты; Персия; “Турецкая Аравия”.

**ABOUT FINANCIAL PROBLEMS OF EXTRA-REGIONAL TURKESTAN
MOSLEMS PILGRIMAGE (1895-1917)**

V.P. Litvinov

The financial aspect of foreign pilgrimage of Turkestan Moslems is considered. It is highlighted that hajj to Mecca and Shiite Moslems “ziyarat” were rather expensive actions.

Key words: Turkestan; pilgrimage; hajj; Mecca; Moslems; Shiite Moslems; Persia; “Turkish Arabia”.

Нам уже приходилось отчасти писать о финансовом аспекте зарубежного паломничества мусульман царистского Туркестана [1]. И мы отмечали, что это был лишь один из аспектов такого многостороннего явления как хадж (или “зиярат” шиитов), но его можно считать в подавляющем большинстве случаев важнейшим и решающим. Даже паломничество мусульман к святым местам в Средней Азии было затратным, например, для кочевника Семиречья путешествие к Сулейман-горе, в Ферганской долине. Пожалуй, лишь поклонение местным сакральным объектам было недорогим. Что же касается хаджа в Мекку, то паломник должен был не только собрать деньги на дорогу, но и, согласно установлениям шариата, рассчитаться со всеми имеющимися у него долгами как перед людьми, так и перед властью (подати и т. п.), а также обеспечить средствами существования свою семью на все время своего отсутствия. Выходила достаточно крупная сумма, собрать которую мог далеко не каждый желающий увидеть своими глазами священную Каабу. Поэтому, как отмечал большой знаток ислама в Туркестане, В.П. Наливкин, до присоединения Средней Азии к России, “человек, совершивший паломничество в Мекку, был большой редкостью” [2]. Такого же мнения придерживается и современный кыргызстанский историк О.Дж. Осмонов, который пишет о том, что до присоединения Средней Азии к Рос-

сии, например, “среди кыргызов не укоренился обычай обязательного соблюдения пяти мусульманских заповедей <...> Паломничество к святым местам (Мекка и др.) было под силу только состоятельным” [3]. Меньшие затраты, безусловно, несли паломники-шииты Туркестана, особенно шествовавшие на поклонение в относительно близкие святыне места – Мешхед и Кум. Но те из них, кто совершал “зиярат” в Неджеф или Кербелу, разумеется, должны были раскошелиться в более солидных объемах, но, разумеется, все равно меньших, чем затраты на хадж в Мекку.

Было бы наивным полагать, что присоединение Средней Азии к России сразу и существенным образом повлияло на финансовые возможности мусульман региона совершать длительное зарубежное паломничество в Мекку, или в Неджеф и Кербелу. Хадж в Мекку по-прежнему совершался единицами или небольшими группами. То же можно сказать и о шиитском “зиярате”.

Как известно, царское правительство, присоединив Среднюю Азию, не препятствовало местным мусульманам совершать ни внутрирегиональное, ни зарубежное паломничество, как, впрочем, и до этого оно не мешало хаджу крымских, поволжских, оренбургских татар и прочих приверженцев религии Пророка в Хиджаз – Мекку, поскольку “Основные законы” Российской империи в статье 44 провозглашали: “Все не принадлежа-

щие к господствующей Церкви подданные Российского государства, природные и в подданство принятые, также иностранцы, состоящие в Российской службе или временно в России пребывающие пользуются каждый повсеместно *свободным отправлением их веры и богослужений по обрядам оной* (выделено нами – Авт.)” [4]. Естественно, что это законоположение распространялось и на мусульман российских территорий в Средней Азии, а потому ни в одном правовом акте, касавшемся управления Туркестаном, о паломничестве вообще не упоминалось [5]. Вместе с тем царское правительство давно уже было озабочено финансовой стороной зарубежного мусульманского паломничества.

Еще 14 ноября 1829 г. Таврический губернатор писал в рапорте Новороссийскому и Бессарабскому генерал-губернатору о том, что крымские татары участвовали в поездки в Мекку и, таким образом, подчеркивал он, “ежегодно вывозили они невидимо звонкой монеты от нас более миллиона рублей, а к нам возвращались без денег с именем только хаджи”. Он указывал далее, что “зло сие, от коего государство лишается такой знатной суммы денег <...> непременно надлежит стараться прекратить” [6]. Представляется любопытным, что Таврический губернатор не призывал ограничить хадж, а рекомендовал лишь разрешить паломникам вывозить не более 100 руб. каждому. В правительстве эта идея, однако, не возобладали, хотя известные меры были приняты, но более рекомендательного свойства. Власти осознавали, что установление паломникам-мусульманам “твердых” сумм для вывоза легко может быть ими обойдено при помощи различных средств, ухищрений, уловок и т. п., тем более в таком динамичном регионе, каким было Причерноморье, тесно связанное с давним и злейшим “другом” России – Османской империей.

После присоединения Средней Азии к России правительственная администрация края в первое время более всего была озабочена общим обустройством русской власти в регионе и потому проблемы паломничества мусульман (как суннитов, так и шиитов), а тем более его финансовый аспект, ее мало интересовал. К тому же паломников-мусульман в отдаленные священные центры ислама тогда было не больше, чем до присоединения региона к России. Однако с ликвидацией Кокандского ханства в 1876 г. и образования на его месте Ферганской области, населенной наиболее фанатичным мусульманским населением, проблема паломничества в Мекку и зиярата мусульман-шиитов к их святым местам в Персии и “Турецкой Аравии” (Ираке) представилась туркестанской администрации уже более очевидной.

Число паломников, желавших посетить Мекку, стало возрастать отчасти из-за улучшения общих (прежде всего материальных) условий жизни, вследствие вхождения региональной экономики в единый общероссийский национальный рынок, а частично по причине усиления проникновения в фанатичную Ферганскую долину турецкой агентуры – так называемых “далилей” – активных “пропагандистов” паломничества к “Дому Аллаха” – Каабе. Далили сулили потенциальным паломникам-мусульманам Туркестана золотые горы, уверяя их в том, что турецкие власти встретят их с распростертыми объятиями и обеспечат всеми необходимыми удовольствиями от хаджа. Одновременно эти авантюристы от ислама собирали деньги якобы на ремонт Каабы, Мостжид аль-Харам (“Запретной мечети”), могилы Пророка в Медине и т. п. Разумеется, многие мусульмане Туркестана верили турецким “агентам влияния” и даже отдавали им последние крохи на указанные эфемерные мероприятия.

Все это, конечно, не могло не беспокоить русские власти Туркестана, однако и в данном случае туркестанскую администрацию более беспокоил религиозно-политический, а не финансовый аспект проблемы. Она больше боялась не вывоза капитала, а ввоза идей панисламизма, пантуркизма, пантуранизма и т. д. Безусловно, нельзя считать, что высшее руководство Русского Туркестана сплошь состояло из людей поверхностных, недалеконидных и легкомысленных, не видевших никакой опасности в вывозе капитала из края посредством хаджа. Отнюдь. Известный туркестанский деятель, крупный исламовед Н.П. Остроумов в “Записке о паломничестве мусульман, значении его и мерах к упорядочению” между прочим указывал и на финансовый аспект проблемы. Он писал о том, что хадж туркестанских мусульман обходится государству недешево: во-первых, паломники ежегодно вывозят из края огромные суммы денег, столь ему необходимых; во-вторых, хадж отрывает мусульман от производительной, хозяйственной деятельности, выгодной государству в финансовом отношении; в-третьих, страдали в финансовом отношении семьи “хаджиев”, оставшиеся без хозяина и кормильца. Н.П. Остроумов отмечал, что хадж ни в коей мере не надо запрещать, поскольку он является одним из важнейших столпов исламской религии, однако его надо разумно регулировать, с тем чтобы уменьшить финансовые потери государства от него [7]. Туркестанская администрация, знакомившаяся с “запиской” авторитетного в крае Н.П. Остроумова, хорошо понимала его правоту, но опасалась, что меры, направленные к разумному ограничению хаджа в фи-

нансовом отношении, будут неверно истолкованы мусульманским населением и вызовут в нем прилив недовольства русской, конфессионально чуждой (читай: христианской – *Авт.*) властью. Вместе с тем некоторые рекомендации Н.П. Остроумова были реализованы. В частности, было издано распоряжение, в связи с которым местные власти, в т. ч. и так называемая “туземная администрация”, не имели права выдавать пожелавшим совершить хадж в Мекку и Медину разрешительные документы для паломничества в Хиджаз до тех пор, пока будущий “хаджи” не уплатит всех податей, не расплатится со всеми долгами перед родичами, соседями и проч., и не представит доказательств того, что он реально обеспечил свою семью средствами существования на год-полтора своего отсутствия. Поскольку это распоряжение полностью соответствовало всем предписаниям шариата о совершении хаджа, то оно с пониманием было встречено мусульманами Туркестанского края и поддержано высшим исламским духовенством. Поэтому оно выполнялось в большинстве случаев неукоснительно, что, естественно, не могло не привести к известному сокращению числа потенциальных паломников, а значит, и предотвращению вывоза из страны дополнительных денег. Конечно, наиболее русофобствующие представители мусульманского “клира” Туркестана критиковали такие меры царской власти, но только не в части их соответствия установлениям о хадже мусульманского права (шариата). И критика тоже была относительно беззлобной. Почему? Мы полагаем, что мусульманское духовенство в целом (как пророссийское, так и русофобское) сугубо формально проповедовало необходимость хаджа в Мекку, поскольку паломники уносили деньги не столько от царской казны, сколько от него самого. На самом деле, по нашему убеждению, исламское духовенство Туркестана было более заинтересовано в “местном” паломничестве мусульман, поскольку оно имело от него неплохие выгоды и денежные доходы, причем не только от пилигримов, но и, по большей части, от вакуфов святых мест региона. Мы не станем распространяться здесь по данному поводу, так как это предмет для отдельного, серьезного и углубленного исследования. Заметим лишь, что царская власть Туркестана хорошо понимала такие настроения регионального мусульманского духовенства и поддерживала их, поскольку “местное” паломничество сохраняло деньги и для нее.

Разумеется, это не снимало проблему как таковую. Так или иначе, но хадж с каждым годом становился все активнее. И царское правительство по-прежнему было обеспокоено вывозом паломниками значительных денежных сумм из стра-

ны. Но оно не в меньшей мере было встревожено и тем, что совершение хаджа, требовавшего немалых средств, объективно подрывало и состояние хозяйств мусульман, являясь, таким образом, разорительным мероприятием для них. Во время отсутствия паломника его хозяйство, как правило, пребывало в застое. Важно отметить, что это понимали и многие видные российские мусульманские общественные деятели. В частности, выдающийся азербайджанский мыслитель и писатель Мирза-Фатали Ахундов писал по этому поводу: “Была ли хоть раз какая-нибудь польза от сборища народов в Мекке во все времена существования исламизма? А вред очевиден: ежегодно сколько миллионов денег тратится на это путешествие, сколько мальчиков и девочек осиротеют, лишивших своих отцов в этом путешествии, сколько жен овдовеют, потерявши своих мужей” [8]. Такого же мнения придерживались и многие мусульманские левые “прогрессисты” (джадиды) в Туркестане (С. Айни, К. Икрамов, Ф. Ходжаев, Хамза Хаким-заде и др.).

На рубеже XIX–XX вв. в обстановке роста идеи панисламизма среди мусульман Туркестана число пожелавших посетить Мекку и Медину стало угрожающе расти. Российское правительство было весьма озабочено этим обстоятельством. В 1898 г. в Мекку и Медину для глубокого изучения “паломнического вопроса” с политической точки зрения военным министерством, как мы указывали, был направлен мусульманин штабс-капитан Абдельазиз Давлетшин. Он прибыл в Хиджаз и в 1899 г., по возвращении домой, представил отчет, в котором изложил свою точку зрения на то, почему паломничество российских мусульман в Мекку и Медину нуждается в регулировании, в т. ч. и в финансовом отношении.

Нам пришлось знакомиться с этим отчетом и не со всеми выводами его автора мы склонны согласиться. Но коль скоро мы здесь рассматриваем финансовый аспект хаджа, то обратимся к тому, что писал Давлетшин в своем отчете по этому поводу. А штабс-капитан вполне уверенно в нем свидетельствовал о том, что для совершения хаджа туркестанскому паломнику надо брать с собой в дорогу не менее 1000 рублей [9]. И он здесь ни в чем не преувеличивал. Военный губернатор Ферганской области генерал-майор Г.А. Арендаренко, “старый туркестанец”, большой знаток края, в своем “всеподданнейшем” отчете за 1901 г. авторитетно свидетельствовал, что паломники его области ежегодно вывозят за пределы государства “в среднем” 6 млн рублей. Он писал о том, что “некоторые лица увозят десятки тысяч рублей”. Арендаренко указывал, что надо ограничить число паломников, поскольку “это разорительно для

государства” [10]. Таким образом, Арндаренко писал о том же, о чем за 72 года до него писал зоркий Таврический губернатор, – тенденция “вывоза капитала” мусульманскими паломниками не только сохранилась, но и развивалась. В той же Ферганской области в 1906 г. из одного только Андиджанского уезда отправились в хадж около 1900 человек. “Туркестанские ведомости” писали по этому поводу, что каждый “хаджи” взял с собой “в среднем” по 500 руб., а иные и по 1000 рублей” [11]. Даже по нашим самым скромным подсчетам, мусульманские паломники вывезли из этого уезда в 1906 г. не менее одного миллиона рублей. Но реально эта сумма, безусловно, была выше, если исходить из подсчетов штабс-капитана Давлетшина, а также и инфляционных процессов, охвативших страны мусульманского Востока в начале XX в. В пределах всего туркестанского генерал-губернаторства (края) сумма вывезенного в это время “хаджиями” капитала, по нашим подсчетам, должна была составить не менее 25–30 млн рублей, если учесть, что с начала XX в. паломническое движение стало нарастать и в “кочевых” областях Туркестанского края – Семиреченской и Закаспийской, коренное население которых – номады степей, гор и пустынь – ранее весьма равнодушно относились к паломничеству в святые места ислама. Конечно, не надо преувеличивать паломничество кочевых мусульман Туркестана в Мекку и Медину – мы имеем в виду относительный рост, т. е., по сравнению с предыдущими годами, когда номады фактически (даже очень богатые) и не думали о совершении хаджа. И для нас является абсолютно очевидным и то, что в начале XX в. хадж совершали наиболее состоятельные кочевники, а не “букара” (беднота). Безусловно, на них повлияла панисламистская пропаганда “казанских” и иных российских татар, давно “окопавшихся” в Степи и обиравших в “торговле” доверчивых казахов и кыргызов, одновременно сея между ними зерна вражды к России и русским, к христианству и т. п. Однако, на наш взгляд, кочевые аристократы, совершая паломничество в Мекку, в известной мере следовали моде на хадж, распространившейся среди именитых номадов благодаря усилиям татар и вышеупомянутых нами турецких агентов – далилей – пропагандистов хаджа.

И еще одно обстоятельство заслуживает при этом внимания. Часто было так: если хадж совершал кто-то из лидеров кочевых кланов (родов и племен), то тут же сразу отправлялся в паломничество (вместе со свитой) лидер, мягко говоря, недружественного племени, с тем чтобы ни в чем не отставать от противника. Трайбальные противоречия, как известно, среди кочевников Туркестана

в рассматриваемый период были весьма сильными и нередко доходили даже до кровопролитных столкновений. Впрочем, их реликты и сегодня сказываются на государственной и общественно-политической жизни ряда стран Центральной Азии (бывших субъектов СССР). Естественно, что состоятельные номады, совершавшие хадж вместе с многочисленной свитой (жены, дети, близкие родичи, слуги и т. п.), вывозили огромные суммы денег. Известный дореволюционный знаток Туркестана В.П. Наливкин, отмечая это обстоятельство, писал, что рост паломничества в начале XX столетия привел и к росту утечки капиталов из России [2, с. 139]. Нет, видимо, необходимости объяснять здесь то, какой ущерб наносил этот своеобразный “вывоз капитала” финансовым интересам экономического развития Туркестанского края и росту жизненного благосостояния большинства его жителей-мусульман, не имевших возможности совершить паломничество ни в Мекку, ни к шиитским святыням в “Турецкой Аравии”.

После неудачной для России войны с Японией и первой русской революции 1905–1907 гг. идеи панисламизма, пантюркизма, пантуранизма и т. п. антирусские воззрения, лозунги, идеи и проч. в Туркестане стали еще более усиливаться и нарастать. Лозунг единения со всем исламским миром распространялся в регионе все шире и призыв к “всеобщему хаджу” в Мекку был одной из важнейших его составляющих. Естественно, что число желающих совершить паломничество в Мекку и Медину в Туркестане стало возрастать. В 1910 г. только по Ташкентской железной дороге проследовало в Мекку и Медину 29 750 паломников [12]. А в 1911 г. по всем (двум) туркестанским железным дорогам (Ташкентской и Средне-Азиатской) проехали 184 320 паломников. Сообщая эту информацию, газета “Туркестанские ведомости” при этом указывала, что обратно через некоторое время вернулось 17 449, а остальные (почти 10 тыс.! – *Авт.*) или умерли в хадже, или остались жить в святых местах ислама. Нам такая статистика паломников кажется сомнительной, не исключено, что в газете была допущена опечатка, поскольку получаются довольно неправдоподобные цифры. Скорее всего, газета давала данные по всем пассажирам, проехавшим по обеим железным дорогам Туркестана, а не только по паломникам, хотя в газете эти цифры даются как “паломнические” [13]. Что касается данных по 1910 г., то они более правдоподобны, хотя и в 6 раз ниже данных по 1911 г. В такой рост числа паломников за один год, тем более пассажиров, трудно поверить. А ведь были (в большем количестве) и пешие паломники. Поэтому мы считаем, что газета “припечатала” нули

и реально можно говорить о 18 432 и, соответственно, 17 449 паломниках, что, кстати, близко к данным архивов. Но даже если каждый паломник из 18,5 тыс. увозил с собой по 500 руб. (не считая дорожных расходов в пределах России, в т. ч. в Туркестане), то и в этом случае “вывоз капитала” мусульманами-паломниками региона приближался к 10 млн рублей.

Однако не надо забывать, что по туркестанским железным дорогам ехали в хадж в Мекку тысячи (3–4, по нашим подсчетам) и иностранных паломников – из Восточного (Китайского) Туркестана, Афганского Туркестана, а также из Бухарского и Хивинского ханств. И они вывозили не русские деньги. Значит, реально из России вывозилось, по нашим подсчетам, в год 7–8 млн рублей, а число паломников было тем, о каком мы писали выше – от 13 до 15 тыс. Вряд ли стоит пояснять, насколько огромной была указанная выше сумма в то время и какой ущерб наносил ее вывоз финансам Российского государства вообще и Русского Туркестана в частности.

Было бы наивным не заметить, что Турция и ее агенты в Туркестане, призывавшие к “тотальному” хаджу российских мусульман, исходили не только из религиозных соображений, но и политических, в которых существенную роль играл и финансовый фактор. Если Россия теряла на “вывозе капитала” мусульманскими паломниками, то Турция, владевшая мусульманскими святынями как суннитов (Мекки и Медины), так и шиитов (Неджефа и Кербелы), на нем только наживалась, обставляя “русских” паломников-мусульман многочисленными финансовыми препонами, о чем свидетельствовали многочисленные жалобы туркестанских и иных “хаджиев”, хранящиеся в фондах генеральных консульств России в Константинополе и Багдаде в Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ). Таким образом, можно считать, что Турция наращивала свою военную мощь перед Балканскими войнами, а равно и перед Первой мировой войной, в т. ч. и за счет “капиталов”, вывезенных из России “правоверными” паломниками, жаждавшими посетить Хиджаз или Неджеф и Кербелу.

Нельзя сказать, чтобы российское правительство, в т. ч. и туркестанская администрация, спокойно взидало на эту проблему. Отнюдь. Туркестанские власти старались оставить хотя бы часть “капиталов” паломников у себя, используя проезд “хаджиев” по национальным железным дорогам и на российских пароходах, доставлявших паломников в Хиджаз. Но с последними усиленно конкурировали английские и турецкие судоходные кампании, причем турецкий султан нередко сам опла-

чивал такие “поездки” паломников-мусульман из России вообще и Туркестана в частности.

В 1912 г. с “утечкой” паломнических капиталов попытался бороться туркестанский генерал-губернатор А.В. Самсонов. 23 сентября того же года он направил руководителям 5 областей края секретный циркуляр, в котором указывал, что хадж российских подданных-мусульман Туркестана “не следует поощрять и облегчать, так как таким путем вывозятся из края деньги” [14]. Зато, советовал он далее, “проезд через наш край иностранноподданных паломников должно приветствовать и возможно облегчить в тех видах, что это представляет для нас значительные финансовые выгоды в виду оставления хаджиев при проезде через наши пределы значительных сумм” [14]. Самсонов выдвинул в циркуляре достаточно реалистичную программу улучшения финансового состояния Туркестанского края за счет хаджиев-иностранцев. В 1913 г. эта программа начала исполняться. В частности, был изменен привычный маршрут паломников через Самарканд. Вместо этого паломников стали перевозить на пароходах от Термеза и Керки прямо до Чарджуя, с тем чтобы их деньги оставались в российских пределах, а не попадали в руки властей Бухарского ханства. В местах скопления паломников стали сооружаться “хадж-ханэ”, отвечающие всем условиям паломнического быта и, в том числе, санитарно-гигиеническим. Уже в 1913 г. от такого рода деятельности была получена солидная прибыль. Надо полагать, что далее дела пошли бы лучше, если бы не начало Первой мировой войны, коренным образом изменившей положение в стране в целом и в Туркестанском крае в частности. Хадж в Туркестане существенным образом сократился. Таким образом, рассматриваемая проблема стала утрачивать свою актуальность для властей. Вышеприведенное позволяет с большой долей уверенности утверждать, что финансовый аспект хаджа мусульман Русского Туркестана в Мекку и Медину, а равно и паломничества мусульман-шиитов в их “святые” центры, заслуживает большого внимания со стороны исследователей. Надо полагать, что со временем они его им удостоят и тогда наши знания о хадже мусульман региона в Мекку и Медину (а равно в Неджеф и Кербелу и другие центры шиитского паломничества) станут более глубокими и многогранными. К тому же и мы не намерены оставлять это вопрос без более детального изучения в будущем.

Литература

1. См.: Литвинов В.П. Внерегиональное паломничество мусульман Туркестана (эпоха нового времени) / В.П. Литвинов. Елец: Изд. ЕГУ им. И.А. Бунина, 2006. С. 270–280.

2. *Наливкин В.П.* Туземцы раньше и теперь / В.П. Наливкин. Ташкент, 1913. С. 67.
3. *Осмонов О.Дж.* История Кыргызстана (С древнейших времен до наших дней): учеб. для вузов / О.Дж. Осмонов. Бишкек, 2008. С. 249.
4. Свод законов Российской империи (СЗРИ). Т. 1. Изд. 1857 г. СПб., 1857. С. 11.
5. См. напр.: Именной [указ], объявленный Сенату военным министром. Об образовании Туркестанской области. 12 февр. 1865 г. // ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. 40. Отд. 1. 1865 г. СПб., 1867. № 41792; Проект Положения об управлении в Семиреченской и Сыр-Дарьинской областях. СПб., 1867; Высочайше утвержденное "Положение об управлении Туркестанским краем". 12 июня 1886 г. // ПСЗРИ. Собр. 3-е. Т. 6. Отд. 1. 1886 г. СПб., 1888. № 3814.
6. Цит. по: *Кричинский А.* Очерки русской политики на окраинах. – Ч. 1. Из истории религиозных притеснений крымских татар / А. Кричинский. Баку, 1919. С. 110.
7. *Остроумов Н.П.* Записка о паломничестве мусульман, значении его и мерах к упорядочению / Н.П. Остроумов // Отдел редких книг и рукописей ГПБ Республики Казахстан. Док. № 436.
8. Цит. по: *Мамедов Ш.Ф.* Мирза Фатали Ахундов / Ш.Ф. Мамедов. М., 1978. С. 95.
9. РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2239. Л. 129 об.
10. РГИА. Ф. И-1396. Оп. 1. Д. 8. Всеподданнейшие отчеты туркестанских генерал-губернаторов и губернаторов областей Туркестанского края. Л. 138 об.
11. Туркестанские ведомости. 1906. № 178. 28 нояб.
12. Туркестанский курьер. 1911. № 102.
13. Туркестанские ведомости. 1912. № 226. 9 окт.
14. ЦГА Узб. Ф. И-18. Оп. 1. Д. 5298. О возвратившихся паломниках. Л. 1.